
МОТИВАЦИЯ И ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Е.В. Глинчикова

ЗНАЧЕНИЕ И ВСЕМОГУЩЕСТВО

Аннотация. В данной статье автор выделяет проблему всемогущества как идеального состояния человека, его абсолютной свободы. Всемогущество можно рассматривать в двух аспектах: в аспекте обладания (т.е. эксплуатации вещей) и аспекте отношения (т.е. единства с миром и Богом). В обоих случаях всемогущество связано со значением. Именно значение является той структурой сознания, которая определяет парадигму взаимоотношений человека с собой и миром. Эта структура может быть представлена в виде законов функционирования, моральных законов, табу или в форме взаимоотношений с божественным. В последнем случае сама структура всегда остается разомкнутой и свободной, оставляя возможность созидать значение совместно с Богом т.е. в пространстве всевозможности. Автор размышляет в данном контексте над теориями формирования Я и лингвистическими исследованиями, касающимися периода формирования языка. На сегодняшний день это первая в философской антропологии попытка взглянуть на человека с точки зрения его всемогущества. Автор подробно обосновывает свои выводы данными психологических и лингвистических исследований. В данной статье автор пытается представить платформу для нового ракурса взгляда на человека.

Ключевые слова: Значение, всемогущество, всевозможность, Я, Бог, отражение, маска, эмоция, знак, субъект.

Я царь, я раб, я червь, я бог!
(Г.Р. Державин)

Два значения

Значение могут иметь только те вещи, которые осознаны. Собственно сам акт придания значения и есть акт осознания. В этом акте конкретное явление или вещь, перестает быть самим собой и словно раздваивается. Вещь оказывается причастна чему-то другому, совершенно отличному от нее самой¹. Важно, что значение определяет и отношение к вещи.

У животных значение вещи вплетено в биологически-обусловленные механизмы существования. Значимость определена природой как способствование жизни и размножению. У. Джеймс пишет: «...всякое живое существо представляет собой что-то вроде замка, чьи рычаги и пружины предполага-

ют специальную форму ключей, которые не прилагаются к замку с рождения, но которые наверняка найдутся где-то рядом в жизни... Яйцо никогда не пленит собаку, птица не боится пропасти, змея не испытывает ненависти к себе подобным, олень не питает любви к женщине или ребенку»².

Значение, которое существует для нас в вещах, возможно только при условии сознания.

Изначально человек замечает и потом осознает те вещи, которые связаны с конкретной деятельностью. Ребёнок, познавая мир, начинает осознавать окружающие его предметы, прежде всего, через активное взаимодействие с ними. Один предмет можно сжать, скрутить, другой разбивается, третий деформируется при нажатии. Большая часть современных значений относится к зафиксированным в словах осознанным стереотипам взаимодействия с вещами и явлениями. В этом смысле означивание редуцирует сам предмет до его функциональности. Значение оказывается инструментом пользования миром. Разворачивание значения в качестве функции отсылает от одного смысла к

¹ Ср.: Ж.-П. Сартр: «Означать — значит указывать на что-то другое, и указывать на него таким образом, что, развертывая значение, мы как раз и найдем означаемое» (Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 122).

² Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 85.

другому, от одной вещи к другой. Значение скользит по предметам, оставляя лишь отпечатки пользователя. Вещь оказывается существующей для другой вещи или явления, а то в свою очередь для третьей. Я ем, чтобы насытиться, написать организм полезными элементами, делаю это для того, чтобы чувствовать себя бодро и продолжать свое взаимодействие с вещами, поддерживаю их функционирование, чтобы они в свою очередь поддерживали мое. В такой парадигме встает вопрос о том, где же смысл в этой замкнутой цепи? Функции вещей диктуют нам правила взаимодействия с ними, и в конце концов, все существование начинает сводиться к этим правилам. Сами эти правила обусловлены не столько жизненной необходимостью, сколько главными означающими, влекущими за собой желания социума. Они, по сути, остаются потусторонним для предметов и явлений, а сама жизнь становится лишенной эмпирии, бегущей к цели никогда не доступной, к существованию, в котором все подчинено логике достижения.

Но значение может быть не только функциональным. Оно может не останавливаться на конкретности данного, но вести к потустороннему для предметов смыслу, который не имеет отношения к взаимодействию с вещами.

Осенний вечер. Я иду по каменистой безлюдной дорожке, в голове мелькают обрывки мыслей. И вдруг сильный порыв ветра. Этот порыв возродил, вытащил из меня какие-то чувства, воспоминания. Описать эти чувства можно несколькими словами: резкость, холодность, пронзительность. Эти свойства оказываются равно присущими и моему эмоциональному состоянию и порыву ветра, который его вызвал. Вопрос о том, что же окажется первичным: чувства или ветер, не имеет смысла. Мы видим рождение нового, человеческого измерения предмета. Свойства, оказываются, существуют и помимо вовлеченности в действие. Ветер не имеет для меня в этой ситуации никакого функционального значения. Свойство рождается вместе с эмоцией как универсальный эквивалент, как часть значения, которое в сердцевине своей оказывается единством природного и человеческого.

Человек и мир единосущны, именно об этом говорит значение, поэтому каменность и ветренность можно увидеть не только в камне или ветре, но и в себе, в других явлениях и предметах мира.

Чувство человека, поначалу смутное и неопределенное, способно просочиться в сознание благо-

даря этому свойству значения. Чувство окрашивается, транскрибируется предметностью, в свою очередь предметность облекается в чувство и становится значимой благодаря расщеплению предмета, выделению из него свойств.

Значение словно раскалывает предмет, делает его двуликим. В нем открывается его внутренняя пустота, разрыв между означающим и означаемым. Значение создается произвольно и от объекта и от субъекта, субъект выражает его в отношении, предмет в материальной наглядности, очевидности. Но ни тот ни другой не способны создать его отдельно друг от друга.

Кроме означающего и означаемого в значении есть еще элемент третьего. Это то, что в нем всегда остается непроясненным, несамостоятельным, тайным. Значение порыва ветра не заключено ни в порыве самом по себе, ни в конкретном ощущении этого порыва, ни в эмоциях, которые этот порыв вызвал, ни даже в свойствах этого конкретного порыва. Значение его кроется в том, что он может сказать мне о том, кто я и зачем иду по этой каменистой дороге? Может он сможет поведать — зачем вообще живут люди или просто какая завтра будет погода? Этот элемент значения и составляет его ядерную сущность, это то, что заставляет человека идти в сторону познания, как уточнения значения. Этот элемент оказывается элементом всеобъемлемости значения или его всемогущества. Ученый, который смотрит на ветер с точки зрения современной метеорологии, извлекает значение из ветра, чтобы предсказывать погоду. Поэт в значении порыва ветра увидит возможность передать любимой глубину своих чувств, философ опишет сложность и многообразие человеческого, которое встречается в простом акте ощущения порыва ветра. При этой всеобъемлемости значения, оно никогда не может сводиться к уже наличному или субъективному. Если один поэт описал порыв ветра с пронзительностью и тонкостью чувства, это не значит, что другой поэт не сможет найти в порыве ветра что-то совершенно новое и никому неизвестное. Значение порыва ветра никогда не равно самому себе, как и не равно субъективным переживаниям, иначе их просто не возможно было бы выразить.

Если углубиться в историю языка, можно попробовать представить себе процесс рождения первых значений.

Советский ученый, филолог-лингвист Н.Я. Марр, предложивший свою теорию возникнове-

ния языка, пишет о тех древних временах: «Есть эпоха этнического словотворчества, есть эпоха ему предшествующего космического, когда звуковых слов так мало, притом означавших конкретно в живых образах воспринимаемые космические силы, что ими выражали множество осознававшихся постепенно в своем самостоятельном бытии существ»³. «В противовес привычной нам с исторических эпох ассоциации идей, происходила диссоциация идеи — выделение из единого общепризнаваемого образа отделившихся уже в сознании частных его видов, или мифологических перевоплощений. Так, например, выяснилось, что птицы воспринимались как «небо», как его часть, его долевая эпифания, и потому оказалось, что названия птиц, как выясняет яфетическая палеонтология, как общие так и частные или видовые, означают, собственно, «небо», «небеса», лишь впоследствии, по выработке уменьшительных форм, «небесята»⁴.

В соответствии с теорией предложенной Н. Марром можно сделать некоторые выводы относительно происхождения значения.

1. Первые значения не происходят из функциональности вещей т.е. из практик взаимодействия с ними. Например, на яфетических языках «ни «лежанка» ни «лежать» не имеют никакого отношения к форме и материалу, к представлению о предмете и «огонь» и «лежанка» связываются с одним и тем же словом tav, означаящим «небо», как верхнее «небо» — «огонь» (отсюда отыменный глагол «жечь»), так нижнее «небо-земля» (отсюда «лечь», «лечь на землю», как бы «уземлиться»)»⁵.
2. Значение оказывается изначально связанным с космическими, мистическими силами.
3. Значение не было конкретно-предметным и скорее связывалось с тем, что человеком могло осознаваться как всемогущее. Это могущество собственно и проявлялось в том, что свойства этого объекта распространялись повсюду и заполняли собой мир.
4. Значение всегда разнообразно и многолико. Оно никогда не было связано с конкретной вещью как таковой, но зато обязательно было

связано с конкретным обществом, племенем, употреблявшим его. Марр говорит о том, что «функционально названия одних предметов переходят на их смены, зависящие от смены орудий и способов производства». Так слово лошадь, например, могло относиться первоначально к оленям, потом к собакам и, в конце концов, к лошадям. Для значения слова важна общезначимость, общий принимаемый всеми смысл, а для каждого предмета нет смысла делать ярлыки, достаточно указать на предмет рукой.

Важно, что значение оказывается неким единством. Одно слово объемлет собой если не все, то очень многое в мире. И это многое выражено конкретным словом, которое становится необходимо только потому, что ни одна вещь в мире, на которую можно указать, не в состоянии вместить обширности открывшегося значения.

Значение обнаруживает себя в собственных свойствах, которые отражаются в вещах мира. Свойства божественны, поскольку обладают силой приставать ко всему чему угодно, то есть все окрашивать собою, нести свое всему в мире.

Такой процесс словообразования открывает нам развитие значения через уточнение, перенос универсального от одного предмета к другому. Небо, например, для древнего человека не было просто тем, что сверкает голубым над нами, оно прежде всего обладает силой — светится, изливается, завораживает, влечет, всеобъемлет. Древние ведь и землю и воду и само небо называли «небом». С точки зрения свойств как функций, то есть материальных характеристик объекта, это совершенно нелепо. Но свойства в древности скорее были эмоциональным и интуитивно постижимы. Свойства всегда несли в себе тайну, которая не могла вместиться в наглядность. Каменность — это никогда не только материальное свойство камня, это особая сила, власть, тайна, загадка камня и причина его существования как такового. Ответ можно получить на эту загадку не у камня, а скорее у человека, когда он становится каменным.

Загадка значения кроется в том, что знак отсылает не к другому знаку, но к тайне целого, как своего собственного целого, целого своей жизни, целого действительности. А.Мейер однажды заметил: «Каждый из знаков жизни связан той же связью откликов со многими другими знаками, становясь вместе с другими знаком

³ Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Л., 1934. С. 32.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 33.

той или иной универсалии (действительной реальности)»⁶.

Первозданный текучий хаос эмоции, есть то, что предшествует значению. Он движется к осознанию и это движение начинается с осознания плавкости, текучести всего происходящего, всей его неопределенности, абсурдности. В представлениях о хаосе, слышна жажда рождения такого значения, которое могло бы стать упорядочивающим движителем для мира. Мир как неопределенность лишен единства. Единство обретается с рождением бога как значения, представленного личностью. В этом значении заключен одновременно и человеческий и божественный смысл. Из хаоса эмоциональной беспредельности, из мистерии как божественного хаоса вседозволенности, производится человеко-божественное значение, которое могло бы устроить обоих.

Такое понимание значения можно увидеть не только в древних религиях и первобытном магическом мышлении. Возьмем для примера средневековые и рассмотрим значение, которое обретается через архитектуру. В памяти всплывают величественные соборы зрелой готики... соборы в Шартре, Амьене и парижский Нотр-Дам.

Стена такого собора, оставаясь стеной, словно теряет свое привычное значение (стена — это вертикальная ограждающая конструкция, отделяющая помещение от окружающего пространства или соседнего помещения). Стена здесь не призвана ограждать, но наоборот скорее раздвигать границы в иной мир. Из тяжелого материального основания, утончаясь и усложняясь, возникает поверхность похожая на ангельское крыло, пронизанное светом. Форма вытягивается по вертикали, чтобы раствориться в свете. Свет здесь подчеркнута сакрален, он струится сверху вниз, ниспадает. Обычный, привычный свет благодаря форме открывает универсальность мистического качества. Свет открывается как божественный через форму, которая делает это качество света находимым, видимым. Свет, заполняющий алтарь, струящийся с окон в неф, пронизывает тело собора, которое своей прозрачностью, тонкокостью приуготовлено уже к восприятию этого света.

Сама структура собора, его тонкость и пустота служат не для выпячивания и созерцания формы как таковой, то есть тех идей, которые легли в ее основание, но все направлено к тому мистическому

значению, которое призвано появиться благодаря прозрачности для него формы. Именно прозрачность формы способна вместить хрупкость значения. Значение здесь создается не светом как таковым, но словно взаимной покорности стены свету, а света идеи, лежащей в основании формы.

Все структурные элементы направлены на артикуляцию целого через частное, варианты артикуляции многообразны, но важно исчезновение отдельности каждой формы и ее конкретного значения перед актом непосредственного восприятия, которое затем опять уплотняется и множится в деталях. Поэтому в центре собора не он сам как таковой, но мистическое значение, которое из неопределенности, хаоса разнородных элементов собралось в единое целое, оставив в центре пустоту и прозрачность для проникновения того, значение чего, представлено и четкой артикуляцией формы и глубиной непостижимого присутствия, неизреченности тайны.

Эмоция и значение

Можно предположить, что эмоция имеет большую связь со значением, чем сама вещь.

Эмоция появилась также дисфункционально с биологической точки зрения, как и значение. Э. Клапаред описывает эмоции как неправильную реакцию организма, который вместо ответа на стимул действием реагирует эмоционально: «Эмоции возникают именно тогда, когда какая-то причина препятствует приспособлению. Человек, имеющий возможность убежать, не испытывает эмоции страха. Страх обнаруживается только тогда, когда спастись бегством невозможно. Гнев возникает только тогда, когда противника нельзя ударить». Эмоции, таким образом, возникают «в результате распространения нервного импульса, не нашедшего себе естественного выхода». Отсроченность действия характеризует как раз человека сознающего. Сознание оказывается зазором между желанием и поступком. Именно в этом же зазоре рождается и эмоция. Только сознание оказывает тормозящее действие, когда эмоция влечет к немедленной реализации. Так возможным становится действие, выходящее за рамки поведенческого стереотипа, действие со значением.

Эмоция имеет значение не в самой себе, но в том, что скрыто. В том, что не может высказать о себе сознание. Биологические процессы в организме проходят на несознательном уровне. Но если

⁶ Мейер А.А. Философские труды. Париж, 1982.

что-то меняется в состоянии организма, в первую очередь реагирует эмоциональная сфера. Эмоция — это сознание тела.

Сознание способно работать лишь с эквивалентами вещей, с их знаками и значениями. Эмоция способна охватить вещь в ее связи с желанием и самой стать желанием.

Ф. Крюгер отдает эмоции первостепенное значение: «...отдельные ощущения, восприятия, отношения, а также воспоминания, отчетливые мысли, определенные волевые акты, короче говоря, весь организованный опыт отщепляется вначале от диффузных эмоциональных состояний и всегда остается под их господством в функциональном отношении... во всяком случае, эти события психической жизни обязательно остаются более или менее глубоко «встроенными» в эмоциональное, которое как бы заполняет «пустоты» в наличной целостности опыта и составляет общий «фон» для всего, что сколько-нибудь выделяется. Эмоция представляет собой материнскую первооснову прочих видов психических явлений и наиболее благоприятную почву для них»⁷.

Эмоция оставляет пустоты для субъективного, личностного заполнения. Значение, выходящее за рамки функциональности, укоренено в эмоциональном восприятии, оно пронизывает человека, зацепляя знак вещи за разрывы собственной ткани, заполняя знаками то, что невозможно пережить.

Травма, о которой говорит психоанализ, — это как раз разрыв эмоциональной ткани, то, что аккумулирует эмоции, запрещая событию отнестись к единству значения. Вместо значения образуется знак, который не может быть вписан в речь, знак запретный, перечеркнутый, неосознанный. Концепции психоанализа позволяют вписать неизвестный знак в повседневность означенной речью жизни. И, потеряв мистичность, этот знак перестает отсылать к пустоте, но вновь возвращает к привычному функционированию. Но в прохождении к тому значению, вокруг которого скапливается множество знаков, эмоция начинает работать, конструировать свое собственное пространство, свою форму из предметности, чтобы ворваться в тот разрыв, который отделял ее от значения, стать понятной, разрядиться, разрешиться от долгого бремени знаков.

Если человек актуализировал травматичное переживание в творчестве, это значит, что эмоция нашла себе отражение и выражение в вещах, перестав отсылать только к самой себе. Она оказалась обращенной к тому, что выражает в ней большее ее целое. Человек может почувствовать себя удивленным перед обширностью значения своего собственного события, в котором появляется наконец свобода и действие.

Наличие значения позволяет эмоции начать узнавать себя. Эмоции чужда рациональная схема действия. Она не чувствует себя в таком действии, исчезает из него. Оно слишком прозрачно для эмоции. Эмоция раскрывается в значении т.е. в том, что рождается из вещной пустоты.

Эмоция порождает новый мир. Ж.-П. Сартр пишет: «...эмоция есть то, во что верят. Сознание не ограничивается тем, что проецирует аффективные значения на мир, который его окружает: оно *переживает* новый мир, который оно только что конституировало. Оно его переживает непосредственно, оно им интересуется, оно претерпевает качества, которые акты поведения наметили. Это означает, что когда все пути перекрыты, сознание устремляется в магический мир эмоции, оно устремляется туда, целиком деградируя; оно является новым сознанием перед лицом нового мира... Сознание, которое взволновано, довольно похоже на сознание, погружающееся в сон. Как то, так и другое бросается в новый мир и преобразует свое тело как синтетическое целое таким образом, чтобы через него сознание могло жить и понимать этот новый мир»⁸. Эмоция — это превращение мира, по Сартру. Он видел в этом уход от реальности, но я вижу в этом единственный источник реальности как таковой. Потому как реальностью может быть только тем, что может иметь значение, иначе сама реальность, какой бы она ни была, окажется невозможной для человека. В свою очередь значение невозможно без эмоции. Эмоция есть явное самого сознания, его очевидность. В то же время в самом значении есть элемент магического, потустороннего, неизвестного. В нем значение открывает для человека самого себя. Это открытие словно дыра к возможности невозможного. Эмоция рождается как восприятие иного по отношению к уже познанному, как переживание. Эмоция способна опрокинуть прежние смыслы и расширить значение.

⁷ Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 114.

⁸ Там же. С. 134.

После отражения

A little boy went out to play. When he opened his door, he saw the world. As he passed through the doorway, he caused a reflection. Evil was born. Evil was born, and followed the boy.

Маленький мальчик пошёл поиграть на улицу. Он открыл дверь, и увидел мир. Выйдя за дверь, он создал отражение. Родилось зло. Зло родилось и пошло вслед за мальчиком.

(Из фильма Д. Линча «Внутренняя империя»)

В качестве окончательно установленных в рамках яфетической теории Н. Марр называет следующие положения: «единственного числа раньше не было: и множественное число выработалось из одного с единственным числом оформления, но раньше все-таки — множественность и затем единичность, как ее часть, как ее противоположность. Лиц не было в спряжении: первого и второго. Вы поймете, что, следовательно, не могло быть беседы, т.е. разговорного языка. Если же не было двух первых лиц, то, понятно, третьего лица, как грамматической категории, не могло быть, не было надобности его оформлять, а когда надобность наступила, — это было позднее, — вновь народившееся время (настоящее) оформилось местоимением. А что это за зам? Чье место он замещает? Местоимение замещает имя, но имени, как надстроечного понятия, не было. Оно заместило надстроечный образ, тотем. Это — местоблюститель тотема, замтотем»⁹.

Целостность человеческого существа оказывается тесно переплетена и обусловлена в своем изначальном развитии спаянностью с мировым целым, с «мы», которое родилось из тотемической общности. Человек не мыслил себя отделено и обособленно от мира, но скорее он и был силен и властен над миром только благодаря возможности проникаться силой каждой его части. Канетти пишет: «Фигура, которой, так сказать, придерживаются, которая становится живой традицией, которая постоянно изображается, о которой постоянно рассказывают, — это не то, что мы сегодня называли бы видом животного, — не кенгуру, не эму, но нечто двоякое и одновременно: кенгуру, проникнутый человеком, человек, по желанию становящийся эму... Эта двойная фигура, содержащая и сохраняющая в себе превращение человека в кенгуру и кенгуру в человека, навсегда остающа-

яся себе тождественной, есть первая и древнейшая из фигур, их исток»¹⁰.

Тотемизм, возможно, более поздняя форма религии. В нем мы уже видим отлитые формы соединения человеческого и божественного. Тотем мог появиться как то, что уже обозначает разницу между одним племенем и другим. На этой стадии уже «мы» противопоставлено «они». Можно предположить, что изначально, когда не было еще местоимений, человеческая сущность проявлялась через отношения.

Марр говорит о существовании ручной речи до возникновения звуковой. И видит некоторые пережитки этого явления и в современных культурах: «...судя по сделанным пока в Тифлисе наблюдениям, ручная речь оправдывает палеонтологически добытое новым учением об языке космическое мировоззрение о трех небесах, верхнем — «солнечном», нижнем — «земле», и подземном — «водном». В то же время особенно ярко выступает ручная сигнализация «солнца» и «полнолуния», как двух противоположностей, вышедших из одного образа с помощью тождественного направления рук к верхнему, т.е. нашему «небу» в позе Оранты, молящегося, но с мимических различием — с улыбкой на лице для «солнца», а в связи с ним для «жизни», «тепла», «радости», «смеха», «улыбки», без улыбки (с серьезной миной) — для «луны», а также для «смерти», «холода», «скорби»...»¹¹.

Это обращение, этот жест совершенно лишен привычной для нас субъект-объектной оппозиции и вообще представления о своем «я» как чем-то отдельном, противолежащем миру. В этом жесте уже присутствует само солнце в его качествах радости, с другой стороны этот жест одновременно и обращение, молитвенное обращение. В нем самом есть уже знак принятия. Руки распростерты для принятия божественной энергии, и она уже принята. Здесь нет времени, нет диалога. Общность есть всегда, она всегда присутствует и достаточно жеста, чтобы открыть ее актуальность.

Человек мыслил себя и все вокруг некой частью общего целого, это и позволяло ему собственно быть человеком. Человек на заре своего развития мог видеть мир примерно так, как воспринимает его младенец.

Обратим внимание на процесс развития самости, т.е. представления о себе и мире у младенца.

¹⁰ Канетти Э. Превращение // Проблемы человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1988. С. 483–503.

¹¹ Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Л., 1934. С. 108.

⁹ Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Л., 1934. С. 98–99.

Младенец первоначально не отделяет себя от матери. Он существует в абсолютном единстве с нею. И в основе формирования самости можно выделить два механизма. Первый определен установлением «хорошего объекта» и любви к нему, второй формированием образа собственного Я, как Я телесного, своего видимого образа.

Первый механизм подробно описывает М. Кляйн. Она пишет: «Интроецированная хорошая грудь формирует жизненно важную часть эго и с самого начала оказывает фундаментальное влияние на процесс развития Эго и воздействует как на структуру Эго, так и на объектные отношения»¹². Далее «...надежно установленный хороший объект, подразумевающий надежно установленную любовь к нему, дает Я переживание богатства и избытка, допускающие переполнение либидо и проекцию хороших частей Самости во внешний мир без возрастающего ощущения истощения»¹³. При этом ребенок фантазирует, галлюцинирует. Он воображает себя всемогущим и на самом деле таковым является. Он способен удовлетворять многие свои желания галлюцинаторно. При этом предметом его грез становится этот странный, возбуждающий любовь, приносящий удовлетворение и в то же время фрустрирующий объект материнской груди. Возможно, не совсем правомочно описывать ощущения младенца в терминах объектных отношений, которые предполагают оппозицию еще не сформированных сущностей: субъекта и объекта, или самости и мира. Можно попробовать это выразить во-другому: во внутриутробном развитии ребенок чувствует свое абсолютное всемогущество, рождение же оказывается словно дырой в его всемогуществе, которая открывает для него новый момент, связанный в первую очередь с самоидентификацией, ребенок впервые понимает свое всемогущество как всемогущество отношения. После рождения мир перестает быть только внутренним, теперь он связан с существованием матери. Именно само отношение, возбуждение с ним связанное, удовольствие, которое оно несет и является главным в мире ребенка. Само отношение дается ему в собственной хрупкости, в переменчивости, что собственно и способствует его дальнейшему развитию. Х. Кохут пишет: «В ходе раннего психического развития происходит процесс, при котором

определенные архаические психические содержания, воспринимавшиеся как принадлежащие самости, уничтожаются или переходят в область не-самости, тогда как другие сохраняются в самости или добавляются к ней. В результате формируется ядро самости — «ядерная самость»¹⁴. Ядерная самость — это «мы», являющееся центром «инициативы и восприятия».

Отношения порождают целый мир фантазий, в которых ребенок начинает формировать себя. Фантазии теперь могут оказаться как позитивными, направленными на любовь, тогда появляется возможность преизливать свое отношение и на другие предметы мира. Но могут быть и негативные фантазии, в которых младенец реализует свою фрустрацию. «Самый маленький ребенок считает, что его садистические импульсы и фантазии всемогущи, и поэтому они уже оказали, оказывают и будут оказывать свое влияние»¹⁵. Такие негативные импульсы очень опасны для самого ребенка. Они заставляют его чувствовать вину за невозможность реализовать отношения, за «обиду» любимому объекту. Эта вина сопряжена со страхом потерять отношения, а значит и весь «смысл» маленькой жизни. Страх может быть еще порожден новым положением вещей после рождения ребенка, когда ясной оказывается хрупкость всемогущего мира. Теперь удовольствие сопрягается с телесными ощущениями, с ощущениями ограниченности собственного тела, которое имеет пределы. Именно эта граница формирует Я человека, как репрезентирующую субстанцию. Я образует поверхность, на которую завязываются процессы удовлетворения-неудовлетворения. Чтобы не разрушиться себя изнутри своими фантазиями и переживаниями, ребенок «неприятные впечатления, полученные извне или изнутри, проецирует за пределы общей границы симбиотической внутренней микросреды»¹⁶. Малер приходит к выводу, что именно сдвиг к периферии сенсорного восприятия и является базовой характеристикой для формирования т.н. телесного Я. Таким образом, мы видим двойственность самости, в которой существует всемогущий центр, который определяется через

¹⁴ Кохут Х. Восстановление самости. М., 2002. С. 453.

¹⁵ Кляйн М. Психоаналитические труды в 7-и тт. Т. 6. М., 2010. С. 56.

¹⁶ Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М., 2011. С. 74.

¹² Кляйн М. Психоаналитические труды в 7-и тт. Т. 6. М., 2010. С. 74.

¹³ Там же. С. 38.

единство и отношение («мы») и телесную самость, которая и образует собственно Я как защитный механизм. М. Кляйн напрямую связывает функцию Я с защитой от страха: «...первая и самая главная функция Я — справиться со страхом... Я постоянно защищается от боли и напряжения, которым дает начало страх, и поэтому использует защитные начала постнатальной жизни»¹⁷. Именно страх заставляет разделить, раздвоить отношения, в которых появляется «полезный и любимый» объект с одной стороны, а с другой стороны «пугающий и ненавидимый». Такое разделение завязывается на отношениях уже чисто телесного удовлетворения и неудовлетворения. На теле образуются «зоны памяти». Эти зоны теперь ассоциируются с тем или иным удовольствием. Дальнейшее развитие Эго происходит в связи именно с этими зонами. Об их роли прекрасно написал Фрейд и сегодня не вызывает сомнений большая значимость телесного Я для психосексуального развития человека.

Здесь важно подчеркнуть другое. Именно на стадии расщепления объекта, по сути, для ребенка рождается добро и зло. Уходя от переживания отношения к телесной периферии, ребенок формирует отражение этого отношения. Появляется поверхность и двойственность внешнего и внутреннего. В Я ребенок удваивает себя, чтобы создать барьер между приемлемым и неприемлемым в отношении. Это телесное Я способно эффективно встраиваться в любую социальную реальность поскольку заимствует свой собственный образ, свою структуру у социума через борозды опыта, которые прочерчивает на теле Я социальная реальность. Я в условиях порванности связи с первоначальным «мы» ищет свое единство, обретая его на стадии зеркала в образе другого. Зеркало становится тем, в чем скрыта человеческая сущность, и чтобы в ней разобраться, требуется потерять себя и отправиться в зазеркалье.

В мире Я человек уже потерял всевозможность и обречен на страдания. Лакан пишет: «Не коренится ли фрустрация в самом дискурсе субъекта? Создается впечатление, что субъект все более отлучается от «своего собственного существа» и, после честных попыток списать его,... признает, наконец, что «существо» это всегда было всего-навсего его собственным созданием в сфере воображаемого, и что создание это начисто лишено какой бы то ни

было достоверности. Ибо в работе, проделанной им по его воссозданию для другого, он открывал изначальное отчуждение, заставлявшее конструировать это свое существо в виде другого, и тем самым всегда обрекавшим его на похищение этим другим... Эго — есть фрустрация по самой своей сути. Фрустрация, вызванная самим объектом, в котором его желание отчуждено, и чем больше оформляется этот объект, тем больше углубляется отчуждение субъекта от его наслаждения»¹⁸.

Вернемся же обратно к человеку древнему. Схожие процессы пронаблюдать и на началах человеческой истории, конечно с большой долей обобщения.

Универсальность и всеобъемлемость значения первых слов породила необходимость для человека быть постоянно ответственным перед целостностью этого значения, ведь в него входил и он сам. Человек оказывался вовлечен в отношения, что сулило ему в случае неправильных действий кару, страшные бедствия. Древние мифы, описывающие золотой век человеческого существования, говорят об изменении чего-то сущностного в человеке, что не могло не повлиять на мир в целом. В проклятии, данном Богом Адаму сказано: «проклята земля за тебя, со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастят она тебе и будешь питаться полевой травой» (Быт. 3:17-18). Также проклятие Каина ложится и на землю: «и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя» (Быт. 4: 11-12). Человек был связан с миром непосредственно, и его состояние отражалась на состоянии мира. Он был вовлечен в живые *отношения* с миром через многомерность значения.

Отголоски подобного понимания всеобъемлемости значения и самовключенности в него человека можно увидеть и в современных примитивных обществах. Бушмены сохранили понимание того, что собственно самость человека может обретаться где угодно. Бушмены чувствуют тело своего сына или своей жены как свое собственное тело. Все едино благодаря единству значения. Я для них не сопряжено с защитой от посягательств на личное со стороны сородичей, я оказывается для них всеможностью тела, которое способно

¹⁷ Кляйн М. Психоналитические труды в 7-и тт. Т. 6. М., 2010. С. 157.

¹⁸ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психонализе. М., 1995. С. 31.

перевоплощаться, а значит воспринимать мысли и чувства окружающих.

Еще один пример из жизни примитивных племен — это магическое отношение к действительности. Человек может повлиять своими действиями и состояниями на состояние растений, животных, вообще мира вокруг. «Например, плодовая женщина делает якобы растения плодородными, а бесплодная женщина бесплодными. Вера во вредность и заразность тех или иных качеств или поступков людей породила множество запретов и табу: люди воздерживаются от определенных поступков, чтобы гомеопатически не заразить плоды земли... Человек... наделяет деревья и растения желательными или нежелательными свойствами в зависимости от хороших или плохих качеств своей личности. Но воздействие по принципу гомеопатической магии является взаимным, то есть не только человек может якобы повлиять на растения, но и растение способно воздействовать на человека»¹⁹. Именно во взаимном, зеркальном эффекте кроется вся опасность и пагубность магического отношения. Само значение здесь уплощается до схемы, которая работает как в одну, так и другую сторону.

Если же обратиться к древним религиям, то часто значение начинает выступать в роли Закона, Завета предписанного всем людям. Этот закон всегда божественен, поскольку только через него человек обретает связь с всемогущим значением. Закон становится тем зеркалом, которое создает разделение между добром и злом. Закон скрывает за собой Бога как личность, указывая на Него прежде всего как на Судью. Закон оказывается заместителем, субъектом значения. Значение теперь разделено на объект и субъект, расколото, но при этом наглядно и вписано в культуру.

Но попробуем представить себе еще более древнее время, когда значение было еще единым. Всеобъемлющее значение, вмещающее человеческое божественное, отражалось во всем многообразии мира. Все, что могло произойти со значением, происходило и с миром. Это налагало огромную ответственность на человека и в какой-то момент истории могло показаться невыносимым и неприемлемым, поскольку из-за неизбежных человеческих ошибок нарастал хаос. Вина, возможно, зародилась в нас именно в то время, как гнетущее чувство невозможности вынести всеобъемлемость

значения. В качестве защиты от хаоса неопределенных эмоций и чувств, а также от невыносимости вины человек вырабатывал защитные механизмы. Такими механизмами были Я и язык, которые структурно повторяли друг друга. Общее в этих механизмах то, что они сопряжены с поверхностью, которая в своих качествах повторяет качества мира. Благодаря поверхности оказывается возможным повторить это первоначально отношение, которое мы наблюдали во всеобъемлемости значения, но теперь в нем уже не оставалось момента неопределенности, и связь со значением гарантировалась через осуществление конкретных действий: будь то обряд или исполнение закона.

Я позволяет вынести фрустрирующие факторы за пределы самого себя, создать границу для проектирования. Теперь развитие эго, есть собственно развитие границы, которая нечто включает, нечто выключает из себя, создавая мир противостояния, задавая тон метафизике внешнего и внутреннего.

Я оказывается восприимчиво к тому, что собственно самим человеком не является и не являлось. Я — это маска, это символ хорошего объекта, застывший символ, за которым скрывалась темная бездна хтонического. Я создает понятность, видимость, ясность существования, Я — это чужое значение в тебе и собственная маска, замещающая потерянный объект, потерянное всемогущество. Я это та форма, где все теперь имеет свое место, место вины, и место удовлетворения. Я — это то, что способствует заполнению пустого пространства разрыва, нехватки значения.

Я — это граница, которая не имеет значения сама по себе, она не может быть понята из себя, это всегда культурное, совместное образование, связанное с деятельностью человеческого сообщества в целом. Поэтому Я не присутствует для себя, оно уже находится в другом и является глазами другого, который видит тебя в созданном обществом зеркале.

Маска, которая появилась как первое Я, оказалась пределом, за который не может выходить значение. Но тот, кто обладал маской, обладал и силой причастности к недоступному. Маска — это и символ власти, и искусственно созданное расстояние между ней и другими²⁰. Тот, кто с маской обладает

¹⁹ Фрезер Д. Золотая ветвь (modernlib.ru/books/frezer_dzheyms_dzhordzh/zolotaya_vetv/read).

²⁰ Э. Канетти писал: «...маска воздействует в основном вовне. Она создает фигуру. Она неприкосновенна и устанавливает дистанцию между собой и зрителем». (Проблемы человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1988. С. 483–503).

особенным свойством по отношению к значению, он приближает себя к нему актом своего от себя отдаления.

Маска есть символ исчезающего значения. Она говорит о том, что некогда было переживаемо, но теперь стало отчужденным, то есть обрело посредника. Впоследствии таким посредником станет письмо, язык.

«Слово дает акту субъекта, получающего заключенное в нем сообщение, смысл, делающий этот акт актом из его истории и сообщающий этому акту его истинность»²¹. Значение перебирается в слова, постепенно уточняясь и высветляясь, заменяя грубых носителей смысла вроде деревянных масок на эмоциональную прозрачность голоса и знака в ритуале и письме.

Знак — это маска вещи. Канетти утверждает, что маска препятствует превращению, останавливает естественное для человека вживание. Но функция маски не совсем в этом. Значение божественно, потому и малодоступно. Маска — это универсальный образец, застывшее лицо, образ, в который как раз и надлежит превращаться. Этот образ и явлен и скрыт. Он вырезан на поверхности. Маска дает возможность быть тем, кем быть невозможно. В маске человек может, как раз оставаясь самим собой, сыграть всемогущество, прикоснуться к божественному. Маска, как и письмо, создана движением восполнения. Всемогущество чревато потерями, маска есть окольный путь к потерянному раю всемогущества через зазеркалье. В тонком разъеме между лицом и маской кроется граница, которую легко перейти. Человек на время снимает с себя покровы защитной оболочки, он перестает быть Я, чтобы на некоторое время стать частью Бога.

Я — это то, что представляет собой человека, его представитель в сообществе, маска. Человек раздвоен, он теперь имеет отношение к священному и к себе. Я связано со священным через закон и обряд или через тотем и табу. Знаки того и другого оставляются на теле в виде татуировок, впоследствии врезаются в камни и вписываются в книги. Знак восполняет недостаточность народной веры, он выводит на поверхность невозможное к проживанию. Как пишет Деррида: «Умерли праздненства, чтобы породить театр... Означающее — это смерть праздненства.... Зри-

мость... есть то, что оскверняет живой голос, отрывая его от самого себя»²².

В письме осуществляется попытка уйти от собственной значимости, передать значение всецело в слово, в знак. Письменность дает возможность, не разрывая до конца связь со значением, обойти вину и представить значение чистым, представить его как знак, который всегда прозрачен перед смыслом, ибо сам ничего не значит. Суть знака есть потаенное обряда, его живое исполнение, в котором осуществляется всемогущество, но оно закрыто от вины строгостью исполнения, невозможностью что-то изменить. Мистерии, как бурлящая всевозможность значения, замещаются сдержанным ритуалом, миф вписывается в книги. Сам обряд, по сути, есть буква, которая как действие ничего не значит перед всемогуществом совершающегося означающего. Значение покинуло хрупкого человека, но призвано было возвращаться. Возвращение мыслилось через восполнение недостаточного всемогущества через возможность быть достойными сообщения с божественным.

Мы живем в мире после отражения, где, куда бы мы не посмотрели, всюду видим себя. Мир для нас это отражение значения созидающего нас самих. Поверхность, которая нас отражает, создает барьер, защищающий нас от нашего же всемогущества. Суть этого барьера в том, чтобы быть нами, быть вместо нас. Он как безличное сознание, которое лишено чувств и существует само по себе. С ним легко жить, потому как в нем все смыслы понятны и функционально обоснованы. Вместо нас живет наша тень, отражение, пугающаяся чудовищ из темной бездны, потому как мир для нее мал и целиком зависит от обстоятельств. Эта тень живет как отдельное большого тела, существо без ответственности. Стать собой значит стать богом. Там, где ты — это бог, нет отражения, потому как нечему отражаться, есть только один смысл — это мистическое воссоединение. Потому как бог в тебе не может стать ничем из твоих смыслов и значений, в нем всемогущество — это дыра в ткани понятного, а Значение появляется как единство отношения, в котором каждый жест уже содержит ответ на самого себя.

²¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 47.

²² Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 499.

Список литературы:

1. Гиренок Ф.И. Археология языка и мышления // Филология: научные исследования. 2011. № 3. С. 62–66.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
3. Кляйн М. Психоаналитические труды в 7-и тт. Т. 6. М., 2010.
4. Кохут Х. Восстановление самости. М., 2002.
5. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе М., 1995.
6. Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М., 2011.
7. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Л., 1934.
8. Мейер А.А. Философские труды. Париж, 1982.
9. Орлова О.В. Знаковость и значение процесса общения // Философия и культура. 2010. № 4. С. 40–44.
10. Проблемы человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич. М., 1988.
11. Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984.

References (transliteration):

1. Girenok F.I. Arkheologiya yazyka i myshleniya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2011. № 3. S. 62–66.
2. Derrida Zh. O grammatologii. M., 2000.
3. Klyain M. Psikhooanaliticheskie trudy v 7-i tt. T. 6. M., 2010.
4. Kokhut Kh. Vosstanovlenie samosti. M., 2002.
5. Lakan Zh. Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize M., 1995.
6. Maler M.S., Pain F., Bergman A. Psikhologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa. Simbioz i individuatsiya. M., 2011.
7. Marr N.Ya. Izbrannye raboty. T. 3. L., 1934.
8. Meier A.A. Filosofskie trudy. Parizh, 1982.
9. Orlova O.V. Znakovost' i znachenie protsesssa obshcheniya // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 4. S. 40–44.
10. Problemy cheloveka v zapadnoi filosofii / Sost. P.S. Gurevich. M., 1988.
11. Psikhologiya emotsii. Teksty / pod red. V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenreiter. M., 1984.